

Что они знают

Друг о друге

Однажды Виктор Астафьев рассказывал, как в Яснополянском парке мучился вопросом: «Имею ли я право хоть одного читателя отнять у Толстого? За вашей спиной стоит такая блистательная литература, возвышаются горами такие титаны, что, прежде чем отнять у них читателя хотя бы на день или час, каждый обязан подумать над тем, какие у него есть на это основания». Здесь отчетливо проявилась черта, которую мы особенно ценим в художнике — его необычайная искренность и беспощадная требовательность к себе. А вопрос о праве? На недавней читательской конференции, посвященной творчеству Виктора Астафьева, — она прошла в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина — читатели высказались на этот счет вполне определенно. Они говорили о гуманистическом пафосе творчества писателя, о его верности правде жизни, об удивительной емкости его письма, о том, что книги Виктора Астафьева воспринимаются как неназойливый урок добра и справедливости.

Читатель и писатель. Как берега реки, они существуют в неразрывной, органической связи друг с другом. Алексей Толстой заметил даже, что если бы писатель оказался вдруг на необитаемом острове и был лишен надежды встретить когда-либо другое человеческое существо, ему вряд ли пришлось бы в голову сочинять романы, рассказы, драмы. Как форма искусства литература возникла и существует лишь потому, что опирается она на удивительную способность человека к сопереживанию. В противном случае она потеряла бы смысл.

На той читательской конференции автору «Царь-рыбы», «Последнего поклона» из зала пришла записка: «Занимают ли вас вопросы формы произведения?»

— Обязательно, — ответил Астафьев. — Всякий раз возникновение замысла — это, конечно, и возникновение формы. Я, например, люблю с буквы «и» начинать. Это дает право вступать в рассказ сразу, без длинных объяснений. «И брела она по домику пологому...», «И отправился я за тысячу верст...» Чувствуете? Про эту женщину, про эту любовь, про этот мир уже много сказано раньше. Жизнь-то идет, и до нас шла, и после нас будет. А ты, человек, который хочет поведать о чем-то своем, сокровенном, здесь, в этом ее отрезке находишься. «И» с ходу втягивает читателя в рассказ, он ощущает его достоверность, чувствует сопричастность тому, что там происходит. А все идет от верного найденной интонации, от формы.

Это признание со всей очевидностью показывает, что образ читателя витает над писательским столом уже в период возникновения замысла, поисков формы, то есть в ходе самого творческого процесса.

Однако на вопрос: «Думаете ли вы о читателе, когда пишете?» — он был задан на той же встрече, — Астафьев ответил:

— Нет, не думаю.

А потом добавил, как бы в пояснение:

— В это время реальная жизнь куда-то отодвигается, ты существуешь в своем, избрленном мире, весь во власти лишь одного желания — высказаться, освободиться, страдешь от бессилия передать на бумаге то, что переполняет тебя. В невозможности словами выписать то, что чувствуешь, и заключается трагедия всего творчества. Писательство — это вечное преодоление, это изнурительный труд, это переписывание рукописи по десять раз. Ох, как долг путь книги к читателю...

Когда через несколько дней мы встретились с Виктором Петровичем в Переделкине, где

он отдыхал, его самого удивило: откуда такое противоречие? Ведь в обоих случаях он был искренним.

— Наверное, все дело в состояниях, переживаемых в разные моменты творческого труда, — сказал он наконец. — А впрочем, вы ошибаетесь, если полагаете, будто писатель все может объяснить. Ему, как и любому другому человеку, многое неведомо, в том числе и загадки подсознания. И я, пожалуй, сейчас не буду их разрешать. Да и какой в этом смысл? Я не знаю другого смысла и другого счастья, чем писать для простых, но истинных тружеников нашей земли. Трудом своим они заслужили доброе слово, трепетную любовь нашу. Ради них мечтаешь написать так, как никто еще до тебя не писал, чтобы душа читателя таяла, и был бы он счастлив тем, что есть мир прекрасный вокруг него, и он в этом мире есть, сопричастный всему великому и живому.

Виктор АСТАФЬЕВ

«ДОБРАЯ КНИГА — КАК ВСХОЖЕЕ ЗЕРНО...»

ДИАЛОГ: ЧИТАТЕЛЬ — ПИСАТЕЛЬ

Вопросы, вопросы, вопросы

Встречи с писателями в сельских клубах, на предприятиях, в институтах, на читательских конференциях в библиотеках. Что добавляют они к сложившемуся в нашем представлении образу художника? Ведь какие бы сюжеты ни выбирал писатель, как бы мало ни избирал себя самого, его неповторимая индивидуальность, его характер, вся его человеческая сущность прорастают из страниц написанных им книг. А узнать писателя «в лицо», как объяснили мне на авторском вечере Виктора Астафьева в Политехническом музее студенты одного из московских вузов, разве так уж это важно? Дело, наверное, все-таки в том, что воистину неистребимо в нас желание проникнуть в тайное художника, в его творческую лабораторию, стремление пробыть сквозь какую-то невидимую преграду, постичь, что скрывается за строкой, то есть душу творца.

Вот лишь небольшая часть вопросов, с которыми обратились читатели к «своему писателю» Виктору Астафьеву на встречах в Политехническом и Государственной библиотеке имени В. И. Ленина. Конечно же, среди них был традиционный:

— Как вы стали писателем?

— Вот уже почти тридцать лет литературе отдано, но ни себе, ни читателям не могу толком ответить на такой простой, почти обыденный вопрос. Все-таки склоняюсь к мысли, что писателем, как и музыкантом, рождаются. Писать я начал в 28 лет. Но способность к сочинительству обнаружил в себе рано. За эту мою особенность бабушка Катерина Петровна звала меня хлопущей, что по-сибирски означает «врушан». Сейчас, когда оглядываюсь назад, вижу, что жизнь писательская сама по себе таит какую-то загадочность. Во всяком случае, меня она бросала туда, где писателю обязательно надо быть, открывала те ее стороны, которые ему необходимо узнать. Я родился в деревне, воспитывался в детдоме, в Игарке, окончил школу ФЗО, работал слесарем, был составителем поез-

дов, литейщиком в вагонном депо, ночным сторожем, газетчиком... Я воевал, был ранен... Чтобы не возвращаться больше к этой теме, скажу, что моя жизнь мне дорога и близка, как всякому человеку его жизнь. Человек выбирает жизнь не сам себе, она определяется ему судьбой, и от него зависит лишь в какой-то степени управлять ею, а не плыть, куда понесет. Если бы мне было дано повторить жизнь, я выбрал бы ту же самую, очень насыщенную событиями, радостями, победами, поражениями, восторгами и горестями утрат, которые, кстати, помогают обостренней видеть мир и глубже чувствовать доброту.

— Был ли в вашей жизни человек, который посвятил вас, когда литературная ваша судьба еще не была определена?

— Было даже два человека. Один из них — Игнатий Дмитриевич Рождественский, мой учитель русского языка и литературы в пятом классе, и второй — Василий Иванович

ский пленник» Льва Николаевича Толстого и второе — «Дед Архип и Ленка» Максима Горького. До сих пор слышу голос учителя, помню, как он стоял, как угарно пахло от печки дымом, я все волшебство того дня и того чудесного открытия сохранил в себе, как драгоценный подарок. И под этим великим озарением я и в дальнейшем читал книги. И сейчас, когда прочитаю хорошую книгу, например «Усыские шлемоносцы» Евгения Носова, уже завидую тем людям, которые ее будут читать.

Вот сейчас с первого класса учат ребят алгебре. Я все-таки думаю, что начинать надо с книги о Жилине и Костылине, то есть с приключения любви к человеку, к состраданию, а уж потом к геометрии.

— Какое качество вы больше всего цените в человеке?

— Способность во всех обстоятельствах оставаться самим собой.

— Как вы понимаете счастье?

Автограф землякам

Фото Н. ЧЕСНОВА

— Счастливы бываю, только когда работаю, когда, оглядываясь на прошедший день, вижу, что он прожит с пользой.

— Если бы вы не были писателем, то кем бы вы хотели стать?

— В идеале я хотел бы быть крестьянином, как мой дед. Но дело-то в том, что бросить писать я не могу. Отнимите у меня ручку, я все равно буду сочинять в голове.

— Как относятся к вашему творчеству в вашей родной деревне?

— Как относятся? Вот тетя моя, когда прочтала «Последний поклон», спросила меня: «Что же ты бабушку-то страмишь и страмишь? Она же тебя любила...»

Но если без шуток, почти всегда относятся, во многих домах села есть у меня читатели, с родной школой держу постоянную связь, обязательно посылаю туда каждую свою книгу. Вот сейчас только что послал туда «Последний поклон». Встречаюсь с учениками и учителями, приходится вручать аттестаты зрелости десятиклассникам, окончившим школу.

— Чему бы вы хотели научить читателя?

— Добру. Умению ценить добро. В этом вижу одну из своих задач.

— Какими качествами обязательно должен обладать писатель, кроме таланта, разумеется?

— Прежде всего он должен воспитать в себе любовь к работе. Ведь мастерство — это не только выбор языковых и изобразительных средств, кои дают порой основание называть иных литераторов мастерами. Это еще и преодоление себя, преодоление лени, воспитание писательского характера, умение видеть мир собственным взглядом и осмыслить его собственной головой. Я лишен многих удовольствий, встреч, поездок, потому что сижу за письменным столом, работаю. Я отношусь к своей работе, как мой дед относился к пахоте земли, как к посеву, как к пилению дров, содержанию семьи, строительству дома. И это избавляет от излишнего кокетства. И потом есть ведь огромная возможность укоротить собственное. У каждого писателя, какой

бы он ни был, есть хоть две-три полки с книгами. И обязательно на этих полках стоит Толстой, стоят Достоевский, Бунин, Чехов, Пушкин, Тургенев, которых вполне достаточно, чтобы ты вел себя скромно.

— Почему вы пишете и просто, и толково, а критики говорят о вас не просто и не толково?

— Нет, писали обо мне и много, и толково. Так что вопрос в самой постановке не точен. Очень толковая статья Екатерины Стариковой опубликована, к примеру, в первом номере «Нового мира» за этот год. Критик Валентин Курбатов написал небольшую, но самостоятельную, без расшаркиваний перед писателем книжечку. Хорошо писал обо мне ныне покойный Александр Николаевич Макаров. Словом, вниманием критики я не обижен.

— Расскажите, пожалуйста, о технике писательского труда. Как же все-таки создается книга?

— Вопрос необъятный. Могу лишь поделить некоторые

гадка таланта? Тайна художественного творчества? — Существуют ли они? Да, существуют. Ответ на эту вечную загадку возможен ли? И что случится, если это произойдет?

Об этом размышлял Виктор Астафьев в Доме творчества в Переделкине.

— Если бы это случилось, искусство утратило бы «секрет», а значит, и смысл. И тогда на место поэзии заступили бы бездушные стандарты. Но верую, что этого не произойдет, во всяком разе до тех пор, пока человеческая душа не сделается стандартной, подобно кирпичу — хотя поползновения к этому имеются и есть люди, стремящиеся, чтобы все было одинаково — дома, леса, одежда и человеческая мысль. Истинное искусство всегда восставало против бездушия и стандарта, оно всегда стремилось возвысить человека, приворожить его образом, околдовать словом. Слово, с букваря начавшись, открыв ребенку глаза на мир, постепенно втягивает его в серьезный разговор. Книга ведь вначале всегда развлечение, отдых. И хорошо, пусть развлекает, пусть отвлечет от какой-то глупости. Но добрая книга — как всхожее зерно, она прорастет в душе, и когда это происходит, книга становится взыскательным и строгим собеседником. Как это необходимо в наш суровый век, когда все «секретное» вроде бы раскрычено, когда после «прелестей» общепития человека все чаще и чаще тает по-быть наедине с собой, предаваться созерцанию и осмыслению своей, а значит, и всей нашей жизни.

Нам выпало жить и работать в очень сложной и ответственной для всего человечества время и в государстве, идущем в авангарде борьбы за мир и счастье на земле. Дух захватывает, голова кружится от стремительности нашего времени. Но занимаясь повседневными делами — преодолевая недостатки в нашем хозяйстве, открывая новые университеты, прорываясь к новым мирам, борясь за подъем литературы и искусства, стремясь разгадать все загадки и раскрыть все секреты, мы работаем, дерзаем, страдаем во имя будущего. А поскольку хорошего мы сделали и делаем все-таки больше, чем плохого, мы глядим в будущее хотя и не без тревоги, но с доброй надеждой.

Иначе нам и жить, и страдать не стоило бы.

— Ох ты, какое чудо! Синие сумерки! — вдруг воскликнул он. За окном в прозрачной стилой синеве чернели мощные столбы старых елей. — Это будет продолжаться всего несколько минут. Смотрите, как все замерло!

И, отстранившись от переделкинской комнаты и от людей, которые в ней были, писатель замолчал. Его как бы и не было, он как будто ускользнул от нас через известную только ему потайную дверь.

И вспомнились астафьевские же слова: «Когда молчит художник, не мешайте ему. Может быть, в эту минуту он думает о себе, обо всех нас, может быть, сострадает живым и горюет о мертвых. Всякое таинство творца, достойно уважения хотя бы потому, что оно нам неподвластно и недоступно».

Записала
В. ПОМАЗНЁВА

Вместо послесловия

...Вопросы, вопросы и нет им конца. Говорят о тайнах природы, о загадках растительного, животного мира. Но за